

К. Вестфаль
Гиссенский университет (Германия)
С. Петерс
Кентский университет (Великобритания)

Кризис без конца? Конституционное фиаско ЕС, внешние отношения и решительное стремление к выстраиванию ОВПБ

Конституционный кризис означал бы, что Европейский Союз вступает в фазу полного внутреннего бессилия. Однако последние два года показывают, что в то время как Европейская интеграция сдерживается внешними отношениями, включая проблему ОВПБ, наблюдается также существенный прогресс во внешней активности. Данная статья акцентирует внимание на событиях, произошедших со времени утверждения Европейской стратегии безопасности «Безопасная Европа в лучшем мире», рассматривающейся как новый импульс к ОВПБ после произошедшего внутреннего раскола в ЕС по вопросу вторжения США в Ирак. После обзора институционального и структурного развития ЕС будут рассмотрены внешние отношения ЕС. В статье детально исследуется как общая внешняя политика, так и Европейской политикой безопасности и обороны (второе как ключевой инструмент первого). После рассмотрения ситуации в последние два года, в статье будет проанализировано развитие в 1990-е годы, и показано, что для формирования ОВПБ в ЕС-15 всегда было характерно движение и вперед и назад. Таким образом, это ставит под вопрос дальнейшее развитие ОВПБ. В заключение в статье рассматриваются перспективы общей политики ЕС и их значение для дальнейшей европейской интеграции.

Д-р Кирстен Вестфаль, доцент кафедры политических наук в Justus Liebig University (Гиссен, Германия). Является координатором для Гиссена в двух совместных с Россией EU-Tempus проектах. В течение долгого времени проводит исследование в России, Чили и Аргентине. Она была консультантом и стипендиатом в промышленности и работала в нескольких ЕС и ОБСЕ миссиях в Латинской Америке, Восточной Европе, СНГ и Азии. Широко публиковалась в области международных энергетических отношений и международных взаимоотношений ЕС, включая недавно изданные работы: «Conflicts in a Transnational World: Lessons from Nation States in Transition» (with Andreas Langenohl), Peter Lang 2006 and «A Focus at EU-Russian Relations, On a smooth road towards four common spaces?» Peter Lang, 2005. E-mail: Kirsten.Westphal@sowi.uni-giessen.de.

Д-р Сьюзани Петерс, зам. директора Женевского семестра государственного университета г. Кент. В статусе исследователя, ассистента и приглашенного профессора она работала в нескольких европейских и североамериканских университетах – в том числе, в Гарвардском университете, Йоркском университете в Торонто и Европейском университете Флорентийского института в Италии. Много публикуется по проблемам европейской политики безопасности и международной политики. Среди ее трудов следует отметить: «The Germans and the INF Missiles: Getting Their Way in NATO's Strategy of Flexible Response» (1990); «The Changing European Security Environment» (co-edited, 1996). Недавно издана статья: «Coercive Western Energy Security Strategies: 'Resource Wars' as a New Threat to Global Security»// Geopolitics (9/1, Spring 2004). Она была зам. редактора, членом редакционного совета и анонимным рецензентом в нескольких журналах (Геополитика, Новая политическая наука и Международная политика).

Конституционное фиаско

Отклонение конституционного договора на референдуме во Франции и в Нидерландах в мае и июне 2005 года стало причиной паузы в ратификационном процессе 25 государств. Министры ЕС до сих пор не решили, как развиваться далее после этого конституционного кризиса, но любой пересмотр конституционного договора будет сложной задачей ввиду того, что для первого черногого варианта конституции потребовалось полтора года — с января 2002 по июль 2003. В конце концов, после сложных дискуссий в Европейском Совете черновой вариант договора был одобрен с поправками в июне 2004 (подписан в Риме в октябре 2005) и назван Договором, устанавливающим Конституцию для Европы.

Отклонение во Франции и Нидерландах Договора, устанавливающего Конституцию для Европы, приостанавливает на время многие значимые изменения для более эффективной работы ЕС, включая институциональные реформы, которые предусматривались в контексте общей внешней политики. Среди этих реформ, прежде всего, создание министра иностранных дел ЕС, который объединил бы позицию «Мистера ОВПБ» и комиссара ЕС по внешним отношениям¹. Министр иностранных дел должен был также быть одним из вице-президентов Комиссии. Конституция определенно придала бы ОВПБ новый статус, хотя даже эти изменения не привели бы к созданию согласованной и, соответственно, эффективной ОВПБ ЕС. Имеются хорошие причины предположить, что эти нововведения усилили бы влияние крупных государств-членов. Реальная «коммунитаризация» внешней политики не прописана в Конституции; межправительственные механизмы принятия решений все еще преобладают. Кроме того, Договор, устанавливающий Конституцию для Европы, не решает проблему неясности ОВПБ, что было присуще этой политической сфере с самого начала: наличие исключительной компетенции ЕС, а также компетенции, разделяемой между его государствами-участниками². Таким образом, Договор, устанавливающий Конституцию для Европы отражает борьбу между сторонниками межправительственного подхода и сторонниками интеграционных процессов, желающих притянуть больше компетенций в европейские институты. Хотя конституционный договор объединяет договоры Европейских Сообществ и Европейского Союза в единый документ, предоставляя ЕС «исключительный правовой характер»³, ЕС все еще не будет полностью ответственен за ОВПБ. Как утверждает Джованна Боно, несмотря на ликвидацию опор ЕС, межправительственный характер ОВПБ вновь подтверждается⁴, более того, конституционный договор закрепил основные запреты на голосование квалифицированным большинством. Снова анонимность является нормой (для принятия внешнеполитических решений), но Конституция открывает возможность воздержания при голосовании, по меньшей мере, одной трети государств-членов, представляющих две трети населения ЕС⁵. В тоже время, принцип национального интереса поддерживается правом ходатайствовать о «причинах жизненно важного национального интереса», чтобы блокировать решения, принимаемые в процессе голосования квалифицированным большинством.

Возможность голосования квалифицированным большинством в ОВПБ не относится к военным вопросам или вопросам безопасности. Однако есть определенные подвижки в Договоре, устанавливающим Конституцию для Европы, которые позволяют Европейской политике безопасности и обороны становится более гибкой и, следовательно, более простой в реализации. Для Европейской политики безопасности и обороны Конституция открывает возможность для более глубокого сотрудничества, разрешая создание временных «ad-hoc» коалиций, а также постоянных структурных взаимодействий: эта возможность предоставляется для развития так называемой «жесткой сердцевины» в области обороны, позволяя только избранным группам государств-членов предпринимать миссии в контексте Европейской политики безопасности и обороны, исключая возможность участия всех государств-членов ЕС⁶. Под вопросом остается воздействие на Европейскую политику бе-

¹ См. Cameron, 2004.

² Ibid.

³ Bono, 2004, Introduction.

⁴ Ibid.

⁵ See Bono, 2004.

⁶ For details see ibid.

зопасности обороны откладывание на неопределенный срок ратификации Договора, устанавливающего Конституцию для Европы, так как Европейская политика безопасности и обороны в основном всегда была организуема вне договоров ЕС. Решительная попытка ЕС разработать и реализовать более согласованную Европейскую политику безопасности и обороны наблюдается в решении ЕС в марте 2006 года об отправке полуторатысячной миротворческой миссии в Демократическую Республику Конго.

Из-за остановки конституционного процесса Договора Ниццы, подписанный в 2001 и вступивший в силу в 2004 году (все еще в силе), в котором, с одной стороны, принцип голосования квалифицированным большинством расширен по сравнению с Амстердамским договором: в Амстердамском договоре требовалось участие «по крайней мере большинства» государств-членов; теперь, согласно Договору Ниццы, требовалось как минимум 8 государств-членов. С другой стороны, основным нововведением Договора Ниццы является комплексная система большинства, которая основывается на голосах государств-членов и на проценте населения, которое они представляют. Для ОВПБ, несмотря на возможность голосования квалифицированным большинством, анонимность все еще остается нормой. Конституция могла бы изменить сложность голосования. Результатом задержки конституционного процесса является то, что пост министра иностранных дел ЕС в ближайшем будущем, вероятнее всего, не будет создан. Таким образом, остается ли внешняя политика и ее регулирование без изменений?

Европейская стратегия безопасности и ее реализация

Тот факт, что ЕС нуждался во внутренней согласованности по вопросу иракского кризиса и трансатлантических отношений, было позже определено как проблема между государствами-членами ЕС. Иракский кризис стал в определенном смысле катарсисом. Развитие ЕС отражает необходимость выработки согласованной стратегии и потребность действовать, по крайней мере, избирательно за пределами близлежащих концентрических кругов соседних стран. Стало также ясно, что внешняя политика не может рассматриваться только как побочный продукт торгово-экономических отношений. Эта тенденция была усилена в последние годы, если взглянуть на соглашения с зарубежными странами, базирующиеся на торгово-экономических интересах. Для преодоления этого разрыва Хавьер Солана на саммите ЕС в Греции в июне 2003 года представил черновик стратегии безопасности, который был одобрен Брюссельским саммитом в декабре того же года⁷. Европейская стратегия безопасности («Безопасная Европа в улучшающемся мире») обрисовала основные глобальные изменения, ключевые договоры ЕС и стратегические объекты для «более активного и более согласованного» поведения в сотрудничестве с партнерами.

Основные глобальные вызовы определены в стратегии безопасности как следующие:

- глобализация (которая увеличивает значимость неправительственных групп, а также взаимозависимость и уязвимость ЕС в сфере транспорта, энергетики, информации и т.д.);
- бедность и болезни;
- обеспечение безопасности как неперемное условие развития;
- борьба за природные ресурсы и энергетическая зависимость.

Основные объекты для борьбы с этими ключевыми угрозами (которые варьируются от терроризма, организованной преступности и распространения оружия массового поражения до региональных конфликтов и распада государств) все еще остаются неопределенными, за исключением отношений с соседними странами и поддержки международного порядка, базирующегося на эффективных многосторонних отношениях. Трансатлантические отношения все еще сопряжены с целым рядом сложностей (рассматриваемые как «ключевой элемент» и «незаменимые»). Определение качества отношений с США является наиболее чувствительным и сложным вопросом среди государств-участников ЕС в течение последних месяцев. Помимо трансатлантических отношений необходимо отметить, что в документе подробно рассматривается сотрудничество с такими государствами, как Украина, Молдова, Белоруссия и Южный Кавказ. Расширение экономической выгоды вновь рассматривается как инструмент решения политических проблем. В стратегии также упоминается европейская энергетическая

⁷ Solana, 2003.

политика, которая хорошо иллюстрирует, что отсутствие стратегии ОВПБ влияет также и на другие политические сферы, например, на регулирование энергетического импорта в ЕС.

Создание ОВПБ подчеркнуло важность «ближнего зарубежья» ЕС и основы стабилизации региона концентрических кругов. Расширение 1 мая 2004 года является наиболее очевидным результатом этой основы. Так называемая политика соседства была сформулирована в концепции «Расширенная Европа»⁸. Несмотря на то, что трансатлантические отношения остаются ключевой осью, отношения с другими отдаленными регионами характеризуются как «обычное дело»⁹.

Расширение

Расширение — наиболее очевидный знак в выстраивании внешних отношений, базирующихся на совмещении одновременно торгово-экономических связей и политического сотрудничества для распространения норм права, демократии и прав человека. В сущности, ЕС иллюстрирует, что географическая близость и ожидаемые результаты являются важными политическими детерминантами. Создание внешних отношений ЕС в концентрических кругах, наряду с позицией ЕС как гравитационного центра, стало определенной моделью экспансии экономического сотрудничества и взаимной торговли и, следовательно, экономической взаимозависимости, наряду с экспортом демократических принципов и норм права. Это рассматривается как инструмент экспорта стабильности, безопасности и процветания за пределами границ ЕС¹⁰. Результатом является перспектива развития отношений внутренних и внешних кругов¹¹.

ЕС создал совершенно особую модель внешнего управления, которая направлена также на распространение норм хорошего управления за пределами ЕС. Эти принципы были положены в основу Белой Книги по реформе европейского управления (COM (2001) 428 final), обращенной на открытость, участие, эффективность и согласованность как основные принципы, которые следует применять к внешним отношениям. Таким образом, внешнее управление ЕС не просто направлено на стабильность, но также на реализацию широкого ряда демократических принципов, таких как включенность, справедливость, эффективность и легитимность¹². Для процесса расширения демократизация и европеизация являются частично совпадающими категориями¹³. Вступление в ЕС может быть реализовано только, если страна-кандидат создала стабильные институты, которые гарантируют демократию, соблюдение норм права и прав человека, а также уважение и защиту меньшинств. Европеизация, с другой стороны, может быть рассмотрена как процесс соответствия Копенгагенскому критерию и, следовательно, «сближение на основе современных европейских норм и ценностей посредством взаимодействия трех движущих сил:

- во-первых, легальных норм ЕС (и Совета Европы) за демократию и права человека;
- во-вторых, изменения интересов промышленников и индивидов как результат увеличивающейся интеграции;
- в-третьих, изменения ценностей и идентичностей общества»¹⁴.

Европейский союз использует принцип политической обусловленности в своей модели управления, который предполагает в случае расширения «приманку» полного членства. В более широком смысле, принцип обусловленности предполагает определенные экономические и политические преимущества. Возможность санкций маловероятна. Кроме принципа политической обусловленности, ЕС использует социализацию. Социализация относится к более хорошо обдуманному процессу, при котором ЕС вовлекает другие страны во взаимоотношения, лагуну личных и институциональных контактов, совместную деятельность, где европейская модель демократии, норм права и хорошего управления заманивает своей привлекательностью¹⁵.

⁸ See: Com2003 104 final.

⁹ Westphal 2005b.

¹⁰ See Noutcheva/ Emerson 2004, Westphal 2005a.

¹¹ Westphal 2005a.

¹² Stone Sweet and Sandholtz 1998.

¹³ Emerson/ Aydin/ Noutcheva/Tocci/ Vahl & Youngs 2005, p.10.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid, p.10/11.

Во время подготовительного периода последнего расширения ЕС в 2004 году, в результате которого присоединились десять новых восточных и южных стран, ЕС разработал действующую «машину вступления в ЕС», которая тестирует, насколько выполняются европейские требования и соблюдаются правила и нормы. В настоящее время страны-кандидаты (Болгария, Румыния, Хорватия, Турция), а также потенциальные страны-кандидаты (Албания, Босния и Герцеговина, бывшая югославская Республика Македония, Сербия и Черногория, Косово) либо уже запустили эту машину, либо начинают этот процесс. Однако результат еще неясен, в частности, после негативного референдума во Франции, что имеет особую важность касательно Турции.

Что является очевидным, так это раскол между странами ЕС по вопросу дальнейшего расширения, в то время как процесс углубления отношений застопорился. Польша и Литва, например, настаивают на дальнейшем расширении ЕС на восток с фокусом, в частности, на Украине. Началась новая дискуссия по вопросу европейской идентичности и границах ЕС. Расширение и углубление давно рассматривалось как две стороны одной медали будущего ЕС. В то время как можно много говорить по вопросу внутренних реформ ЕС и углублении европейской интеграции, данная статья акцентирует внимание на внешнем измерении. Эта «усталость от расширения» окажет влияние на процессы европеизации и демократизации. Тот факт, что перспектива нового расширения ЕС отодвинута на неопределенное время, и разговор сейчас ведется больше об особых отношениях и ассоциациях (в частности, в случае с Турцией), ограничивает направленность Европейского союза на социализацию и реализацию принципа обусловленности. Причина, что основная приманка, вступление, не является больше реальностью и, следовательно, стимулом к тому, чтобы идти на уступки, что ведет к определенной фрустрации в странах-кандидатах.

Европейское соседство

Сказанное выше имеет большое значение для «Европейского соседства». Европейская политика соседства была создана в контексте расширения ЕС в 2004 году для того, чтобы разработать политику по отношению к ближайшим соседям. Политика была сначала обозначена в концепции «Расширенная Европа» в марте 2003 года, а затем опубликована в документе стратегии по Европейской политике соседства в мае 2004 года. Согласно официальному сайту ЕС, Европейская политика соседства¹⁶ предлагает соседним странам привилегированные отношения, «создаваемые на основе взаимных обязательств по отношению к общим ценностям (демократия, права человека, нормы права, хорошее управление, принципы рыночной экономики и устойчивого развития)». С помощью этой политики ЕС предлагает этим странам «углубление политических отношений и экономическую интеграцию», но без предоставления возможности вступления в ЕС. Как утверждает Смит¹⁷, «это выглядит привлекательно, но необходимо ясно представлять, что имеется целый ряд проблем, связанных с Европейской политикой соседства, таких как задержка или даже недопущение дальнейшего расширения ЕС на восток. Фактически Европейская политика соседства включает в себя не менее семи направлений политических целей¹⁸, большинство из которых были сформулированы на основе прошлых соглашений о вступлении новых стран в ЕС».

Изначально, Европейская политика соседства была направлена только на ближних восточных и южных соседей, но затем также распространилась и на Южный Кавказ¹⁹. Ключе-

¹⁶ < http://www.europa.eu.int/comm/world/enp/policy_en.htm

¹⁷ Smith. 2006, p. 9.

¹⁸ Эти цели: демократия и права человека; политический диалог; экономическое и социальное развитие; торговля и доступ к внутреннему рынку; правосудие и сотрудничество во внутренних делах; установление отношений добрососедства (включая энергетическую, транспортную и экологическую политику); диалог на уровне индивидов (включая построение гражданского общества, плюс образовательные / культурные связи). Лист приоритетов и методов достижения целей варьирует в зависимости от партнера Европейской политики соседства.

¹⁹ В настоящее время Европейская политика соседства включает Алжир, Беларусь, Египет, Израиль, Иорданию, Ливан, Ливию, Молдавию, Марокко, Палестинскую Автономию, Сирию, Тунис и Украину, а с 2004 года также Армению, Азербайджан и Грузию.

вым элементом Европейской политики соседства является двусторонний план действий, который заключается между ЕС и соответствующей страной и выстраивается либо на Соглашении о партнерстве и сотрудничестве, либо на Барселонском процессе.

С одной стороны, так называемая Европейская политика соседства отражает теорию ЕС о концентрических кругах и формирования сферы стабильности, безопасности и процветания вокруг ЕС как гравитационного центра, но, с другой стороны, она также сталкивается с обратным движением при создании социализации и реализации принципа политической обусловленности. Социализация строится на привлекательности и географической близости и, несомненно, выступает моделью демократизации и фактором Оранжевой революции на Украине, Розовой революции в Грузии и Кедровой революции в Ливане. Но, с другой стороны, консолидация процесса демократизации, который может быть поддержан принципом обусловленности, ослабляется из-за того, что ЕС не выразил желание предоставить возможность вступления и, таким образом, основная «приманка» обусловленности не сработала. Другие направления политики («кнута и пряника») были также очень слабыми, так как ЕС выразил нежелание, в частности, открывать доступ к европейскому рынку. Несмотря на то, что Европейская политика соседства, несомненно, является шагом вперед, ее эффективность будет зависеть от целого ряда асимметричных отношений, которые могут привести к несовпадению между ожиданиями и возможностями.

Хотя стратегия безопасности Соланы детально рассматривает такие соседние страны, как Украина, Белоруссия и Южный Кавказ, и рассматривает экономическую выгоду как адекватный инструмент решения политических проблем, политика ЕС на Востоке имеет определенные недостатки. Стал очевидным растущий разрыв между «расширенной Европой» и «расширенной Россией», начавшийся с процессов, проходивших в соседних странах²⁰, с так называемых Розовой революции в Грузии и Оранжевой революции на Украине. Белоруссия — это другой случай, это яркий пример отсутствия четкой политики по отношению к восточным соседям. Европейский союз и Россия в случае с Украиной выразили диаметрально противоположные точки зрения. ЕС предоставил Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе²¹ доклады, которые содержали вопросы относительно законности проведенной кампании и ее результатах, в то время как Россия, напротив, поддержала официально объявленные результаты выборов и объявила выборы как свободные, честные и законные. Определенное столкновение позиций ЕС и России отражены также в двух конкурирующих между собой концепциях интеграции в регионе. Более того, случай с Украиной усилил влияние новых государств-членов на внешнюю политику ЕС по отношению к России. В частности, это были Польша и Литва, которые сразу встали в отношении Украины на позицию, противоположную российской.

ЕС сначала включил Россию в свою концепцию «расширенной Европы», но позже это переросло в идею четырех общих пространств, и, таким образом, признавал особый статус России. Идея единого экономического пространства была впервые выдвинута Путиным в 2002 году и впоследствии расширена до «четырех общих пространств» на саммите Россия—ЕС в Санкт-Петербурге в мае 2003 года, что относится к принципу политической обусловленности²². После этого понадобилось два года интенсивных дискуссий, чтобы подписать так называемые «дорожные карты» четырех общих пространств на саммите Россия — ЕС 1 мая 2005 года²³. Принятие дорожных карт было формальным успехом, который, казалось, был инспирирован 60-летней годовщиной окончания Второй мировой войны и желанием продлить дух торжества. Это послу-

²⁰ See in more detail Westphal 2005 c.

²¹ See: OSCE, Statement of Preliminary Findings and Conclusions on the First and the Second Round: <http://www.osce.org/odihr-elections/documents.html?lsi=true&limit=10&grp=220> (Download 04/15/2005)

²² EC, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament on relations with Russia, COM (2004) 106, 09/02/04, p.1.

²³ See the files: http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_05_05/index.htm (Download 05/11/05). Дорожные карты — это общее экономическое пространство, общее пространство свободы, безопасности и справедливости, общее пространство внешней безопасности и общее пространство научных исследований и образования, включая культурные аспекты.

жило основой для соглашения, но под вопросом остается способность дорожных карт содействовать в создании общих пространств. В общем и целом, отношения достигли критической точки, развивать или нет стратегическое партнерство далее и заменять Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое заканчивается в 2007 году, развитием четырех общих пространств. Вопрос во многом заключается в том, можно ли достичь согласованного подхода по отношению к позитивной взаимозависимости. Россия стремится выстраивать отношения избирательно и скорее фокусируется на определенных, важных для нее аспектах политики, чем развивать отношения целостно. Это политика, которая подтолкнула Россию искать более близких и избирательных двусторонних отношений с крупными государствами — участниками ЕС, такими как Германия, Франция и Италия. Эта тенденция может со временем интенсифицироваться.

Резюмируя, можно сказать, что Европейская политика соседства является важным инструментом внешней политики для дальнейшей стабилизации расширенного Европейского региона, основывающегося на общих принципах достижения безопасности и благосостояния. В то же время, остается под вопросом, сможет ли ЕС найти эффективный путь поддержки демократического и экономического процветания в заинтересованных странах без предоставления им возможности вступления в ЕС или хотя бы доступа к либерализованному европейскому рынку. Что касается отношений с Россией, то энергетический диалог станет основной проверкой развития реального стратегического партнерства²⁴.

Трансатлантические отношения

Стратегия безопасности Соланы рассматривала трансатлантические отношения как «ключевой элемент» и как «незаменимые». Определение качества отношений с Соединенными Штатами продолжает оставаться, помимо взаимоотношений с Россией, одним из наиболее чувствительных и сложных вопросов среди государств — участников ЕС. После расширения 2004 года трансатлантические отношения между ЕС и США усложнились из-за раскола между «старыми» и «новыми» европейскими странами, что справедливо и относительно вопроса отношений с Россией. Примером «сдержанности» новых европейских государств по отношению к России является реакция Польши на российско-украинский газовый диспут, когда Польша предложила создание «энергетического НАТО для повышения энергетической безопасности, вместо того, чтобы поддерживать многосторонние усилия ЕС». С момента разногласия альянса по вопросу войны в Ираке, трансатлантические отношения между ЕС и США определенно улучшились, в том числе благодаря выборам нового консервативного канцлера Ангелы Меркель в октябре 2005 года. Однако становится совершенно очевидно, что трансатлантические отношения ослабли и вряд ли вернуться на прежний уровень близости и лояльности времен холодной войны.

По нескольким аспектам внешней политики позиции США и ЕС фундаментально разнятся. Они варьируются от вопросов по Киотскому протоколу, Международному уголовному суду и Конвенции по биохимическому оружию до методов США, применяемых в «войне с террором», как высказалась Ангела Меркель по поводу закрытия лагерей Гуантанамо во время ее визита в США в январе 2006 года. В то время как вопрос вступления Турции в ЕС несколько потерял свою остроту (в том числе благодаря противодействию Меркель дальнейшему расширению ЕС), назревает серьезный конфликт между Меркель, Шираком, Блэром и США по проблеме распространения ядерного оружия в Иране. Кроме того, дискуссии среди ЕС-25 по отмене продолжительного эмбарго на продажу оружия Китаю также не смягчили трений между ЕС и США, так как последние выступают категорически против его отмены.

Однако воздействие войны в Ираке на решимость ЕС отделиться от агрессивных Штатов не может быть преувеличено²⁵. Результатом этих расхождений стало то, что Североатлантический альянс теряет свою значимость, что связано с желанием и возможностью США вести войны в Афганистане и Ираке без поддержки Альянса. Кроме того, на Международной конференции по вопросам политики безопасности, проходившей в Мюнхене в феврале 2005 года, НАТО опять подверглось испытанию заявлением Рамсфильда о том, что в следующем

²⁴ See in more detail Westphal, *European Energy Security* (forthcoming).

²⁵ William Pfaff, *International Herald Tribune*, October 23, 2003.

кризисе США последует модели, примененной в Иракской войне. Бывший канцлер Шредер подтвердил ослабление роли НАТО, утверждая, что эта организация более не является форумом, где трансатлантические вопросы могут быть обсуждены или решены²⁶.

Международный порядок и эффективные многосторонние отношения

Стратегия безопасности 2003 года включает основные угрозы (варьирующиеся от международного терроризма, организованной преступности и распространения оружия массового уничтожения до региональных конфликтов и распада государств), но политика борьбы с ними все еще остается неопределенной за исключением политики соседства и поддержки международной стабильности, основанной на эффективных многосторонних отношениях.

Внешняя политика ЕС отражает постепенное и избирательное выстраивание отношений, в которых географическая близость играет доминирующую роль. За пределами концентрических кругов соседних стран, ОВПБ отражает уже иную стратегию. Причина кроется в том, что эти отношения имеют влияние на территорию ЕС и экономическое благосостояние. ЕС играет роль лидера в «Расширенной Европе», но за пределами этого региона только реагирует на происходящие внешние изменения и новые вопросы.

За пределами расширенного региона Европы гораздо труднее достичь консенсуса по вопросам политических и экономических интересов. История взаимоотношений ЕС и Меркосур является ярким тому подтверждением²⁷. Провал в создании ассоциации между ЕС и Меркосур в октябре 2004 года иллюстрирует новую форму протекционизма ЕС. Основной причиной неподписания странами Меркосур соглашения о создании ассоциации стала сельскохозяйственная политика ЕС, а именно нежелание открывать внутренний рынок для продукции стран Меркосур. Встреча на уровне министров в мае 2005 года также не решила этой проблемы. Соглашение о создании ассоциации включило бы политические, экономические, социальные и культурные вопросы и, таким образом, отражало бы европейскую модель социализации и политической обусловленности для распространения норм и ценностей ЕС для развития международного порядка, основанного на основе более эффективных многосторонних отношений. Среди других факторов, определивших провал переговоров, на первом месте было нежелание открывать доступ к сельскохозяйственному рынку ЕС. Это ослабило доверие к ЕС как глобальному актору, который борется за демократию, стабильность и процветание. Единый рынок может быть использован как инструмент внешней политики, так как это сильная приманка для неевропейских государств в мировой политической экономике. Есть два противоположных имиджа: «крепость», оберегающая привилегии для тех, кто внутри «стен», и «магнит», притягивающий обмен и инвестиции (Smith 1999, 278). Обе политики являются методами торговой силы в мировой политической экономике. Как подчеркивает Смит далее (ibid.), ЕС ухаживает корнями в «торговое государство», и его система «центра и периферии» устанавливает зоны политического влияния с применением дискриминационных торговых соглашений (Messerlin, 2001). Внутренние противоречия между государствами-участниками ЕС по вопросу единой сельскохозяйственной политики, единого рынка услуг и инвестиций выступают барьером на пути развития ЕС как супервизора мировой экономики.

Реализация более согласованной внешней политики и политики управления кризисами

В то время как отношения с Меркосур иллюстрируют проблемы в конкретных политических вопросах, в частности касательно либерализации рынка, что, разумеется, является важным инструментом внешней политики ЕС, имеются другие примеры, где ЕС выступало в роли глобального игрока, демонстрируя деятельность трех крупных государств. В частности, это была инициатива Великобритании, Франции и Германии (ЕС-3), поддерживаемая Верховным представителем ЕС по внешней политике и политике безопасности, по урегулированию иранского ядерного кризиса. Совместно с США эти усилия привели к принятию в марте 2006 года Резолюции Совета

²⁶ See also Diedrichs, 2005.

²⁷ See Westphal 2005b.

Безопасности ООН по предоставлению Ирану 30 дней для отказа от деятельности по обогащению урана. Другим примером является очевидный успех ЕС в выработке согласованного подхода на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия в мае 2005 года. Вопреки некоторым разногласиям в этой сфере между европейскими ядерными и неядерными державами, на этом международном мероприятии страны ЕС представили единую согласованную позицию всех 25 государств-участников²⁸.

В стратегии безопасности Солана требовал участия ЕС в урегулировании региональных кризисов, в частности, в Кашмире, в районе Великих озер и на Ближнем Востоке. Утверждалось, что это затрагивает интересы ЕС, если и не прямым, то, определенно, косвенным образом. Он поощрял государства ЕС в создании необходимых инструментов управления кризисами, включая повышение гибкости и мобильности вооруженных сил, а также использование гражданских ресурсов в кризисных и послекризисных ситуациях.

Первым толчком к созданию сил кризисного регулирования стал Косовский конфликт, что привело к принятию министрами ЕС в июне 1999 года решения о создании новых инструментов реализации политики безопасности и обороны. Среди них наиболее важными стали Комитет по политическим вопросам и безопасности ЕС, Военный комитет ЕС и Военный штаб ЕС. Дальнейшим важным шагом в этом процессе стало принятие решения на Хельсинкской конференции в декабре 1999 года о создании так называемой «Основополагающей цели», предусматривающей формирование сил быстрого реагирования в составе 50000–60000 человек, способных к развертыванию в срок до 60 дней и поддержанию боеспособности не менее одного года, а также обученных ко всем видам операций по поддержанию и установлению мира. До настоящего времени, создание таких эффективных сил быстрого реагирования пока не было реализовано. Однако было сформировано материально-техническое обеспечение этих сил: после долгих споров с США, которые пытались предотвратить процесс создания военного контингента в ЕС. Европейцы также успешно решили проблему спутниковой разведки, создав систему Галилео, а также новую транспортную систему «Airbus 400 М»²⁹.

Следующим направлением стратегии безопасности Соланы было создание эффективных сил управления кризисами. Этот процесс начался в июне 2003 года с признания того, что возможности ЕС в этой сфере все еще оставляют желать лучшего. В результате министры ЕС сформулировали новые основополагающие цели (2004–10) и разработали на британо-французском саммите в ноябре 2003 года концепцию «Тактических групп». Концепция «Тактических групп» предусматривает создание 6–10 групп тренированных военных батальонов (1500 солдат в каждой группе), способных к развертыванию в период от 5 до 30 дней и поддержанию боеспособности от 30 до 120 дней. Эти группы могут состоять из людей одного государства ЕС или быть многонациональными. Они должны быть готовы к проведению операций в отдаленных регионах, включая неблагоприятные природные условия: горы, пустыни и джунгли. В ноябре 2004 года было утверждено создание 13 тактических групп, состоящих из солдат 21 государства ЕС.

В соответствии с этими решениями по повышению способности ЕС в управлении кризисами, министры ЕС стали более активны в этом направлении после 2003 года. После миссии 2000 года, когда Еврокорпуса приняли на себя контроль над миротворческой миссией в Косово на 6 месяцев, деятельность ЕС по управлению кризисами, начиная с 2003 года, включила в себя военную миссию на Балканах (операция «Concordia»), миссию в Демократической Республике Конго (операция «Artemis»). В августе 2004 года национальные европейские корпуса (Бельгия, Франция, Германия, Люксембург и Испания), так называемые Еврокорпуса, приняли на себя руководство Международными силами содействия безопасности на 6 месяцев: около 1350 европейских солдат составили корпуса Кабульской многонациональной бригады. В декабре 2004 года операция «Athlea» в Боснии, Герцеговине включила в себя семитысячное войско из 22 европейских государств. В июне 2006 года пройдет важная миротворческая миссия ЕС в Демократической Республике Конго для поддержки избирательной кампании. Около 1500 сол-

²⁸ Regelsberger2005, see also «The EU's Emerging Role in Nuclear Non-Proliferation Policy», EurActiv.com, Security and Defense, April 1 2006.

²⁹ See for this Keane, 2005.

дят из Германии, Бельгии, Франции, Польши, Испании, Швеции, Ирландии, Финляндии и Австрии будут привлечены для выполнения операции. Они выступят поддержкой сил ООН в этом регионе. В то время как целый ряд миссий, проводимых ЕС после 2003 года, ознаменован определенным успехом, то же самое вряд ли относится к операциям в Македонии и Косово. Однако дискуссия о причинах их неэффективности лежит за пределами этой работы.

Европейский союз, поощряемый стратегией безопасности по урегулированию гражданских кризисов, продолжать наращивать силу в дипломатической, гуманитарной и экономической сферах. Предотвращение конфликтов должно реализовываться в четырех основных направлениях: полицейские операции; правовые нормы; гражданская администрация и защита граждан. Для достижения этого ЕС разработал различные механизмы: Комитет по гражданским аспектам кризисного регулирования, Отдел по планированию и проведению полицейских операций, Отдел по планированию политики и раннему предупреждению кризисов, наряду с формированием 5000 полицейских сил для международных миссий. На международном уровне ЕС усилило свои возможности с созданием ситуационного центра. В ноябре 2004 года ЕС приняло соглашение по Гражданской основополагающей цели до 2008 года (CHG 2008) с созданием Гражданских сил реагирования. Последние имеют целью раннюю оценку кризисной ситуации и поддержку гражданских миссий Европейской политики безопасности и обороны²⁰.

С помощью этих механизмов ЕС запустил целый ряд гражданских миссий, направленных на стабилизацию кризисных ситуаций в различных регионах и мирного перехода к демократическому обществу: в Боснии, бывшей югославской Республике Македония, Демократической Республике Конго и Грузии. ЕС также планирует миссию гражданского управления кризисами в Ираке, включая обучение правовым нормам и поддержанию спокойствия. В апреле 2005 года ЕС создал Координационный офис ЕС по поддержке палестинской полиции в Рам Алла, а также запустило полицейскую миссию и миссию по реформе сектора безопасности в Киншаса (Конго). В октябре 2005 года ЕС начал свою первую миссию по политике соседства при участии 50 экспертов на границе между Молдавией и Украиной, в районе Приднестровья. Наконец, в связи с тем, что ЕС хочет продемонстрировать себя как глобального актора, в конце 2005 года была запущена мониторинговая миссия в Ачех (Индонезия) при участии 200 наблюдателей.

Решительный путь к ОВПБ — разрушение или континуум?

Анализ ОВПБ иллюстрирует противоречивость ее развития. Если рассматривать ОВПБ по отношению к соседним странам и новым странам-кандидатам, то совершенно очевидно, что после расширения 2004 года ЕС находится в фазе замедления этого процесса и поиска стратегии сбалансирования различных интересов участников ЕС. Что касается вопроса безопасности в ОВПБ, трансатлантический кризис по вопросу войны в Ираке подтолкнул министров ЕС к согласованным действиям и принятию важных решений по Европейской политике безопасности и обороны, демонстрируя тем самым способность ЕС к управлению кризисами. Что касается развития ОВПБ, то необходимо взглянуть на 1990-е годы для того, чтобы сделать правильные выводы относительно ее дальнейших перспектив.

В 1980-е годы стало очевидным противоречие, на которое указывает Хилл, что ЕС был «экономическим гигантом и политическим карликом»²¹. Экономическая роль не была соотносима с соответствующей ролью в мировой политике. Христофер Паттен, член Еврокомиссии, ответственный за внешнеполитические связи с 1999 по 2004 год, утверждал, что ЕС в те годы «публиковал время от времени громкие декларации, как правило, несколько недель спустя после упоминаемых в них международных событий, оставаясь скорее комментатором, чем актором»²².

В Маастрихтском договоре (подписанном в 1991 году и вступившем в силу в 1993 году) была предпринята попытка ответить на глобальные вызовы и разработать более эффективную европейскую политику, приведя различные позиции стран-членов ЕС к общему знаменателю. Для достижения этих целей, внешняя политика стала частью институциональной структуры ЕС:

²⁰ See also Marquina and Ruiz, 2005

²¹ Hill, 1993.

²² Patten, 2001, p. 79.

Договора о Европейском союзе, подписанного в Маастрихте и базирующегося на трех опорах (по аналогии с греческим храмом)³³. Второй опорой стала как раз ОВПБ. Желание интегрировать ОВПБ более тесно в Союз отразилось, с одной стороны, в повышении значимости Комиссии, а с другой стороны, в наделении Совета ротацией председательства в ЕС, а также функций принятия решений. Таким образом, происходит «брюсселизация»³⁴.

Амстердамский договор (подписанный в 1997 и вступивший в силу в 1999 году) должен был улучшить взаимодействие между Сообществом и ОВПБ³⁵. Договор установил пост верховного представителя ОВПБ, и ЕС во внешних отношениях стал выступать как единый представитель. Эта реформа была рассмотрена как наиболее значимое изменение в ОВПБ³⁶. Очевидным был контраст в политике ЕС между способностью устанавливать широкие стратегические направления развития, и достижением позитивных результатов в конкретных областях³⁷.

Наиболее значительными событиями, повлиявшими на развитие внешних отношений и создание ОВПБ, стали политические перевороты 1989–1991 годов, а также война в бывшей Югославии. Перевороты отразились в европейской политике разработкой ответов внешним вызовам: приоритетом стала региональная стабильность в Европе посредством переговоров со странами Восточной Европы о вступлении в ЕС. Это было так называемым «возвращением к истокам», так как процесс европейской интеграции в самом начале был проектом мира, забываемом из-за значительного успеха экономической истории ЕС. Последующее расширение было ответом ЕС на потребность стран Восточной Европы в стабильности, процветании и защите от России. «Отношения были не только экономическими, но также и политическими по своему характеру»³⁸. ЕС начал с ассоциативных договоров со странами ЦВЕ, которые привели к принятию 10 новых членов 1 мая 2004 года. ЕС, следуя теории концентрических кругов, заключил соглашения о партнерстве и сотрудничестве с республиками бывшего Советского Союза. Этими соглашениями устанавливались политические, экономические и торговые отношения; ЕС также оказывал значительную финансовую, инвестиционную и техническую поддержку через программы ФАРЕ и ТАСИС³⁹. Тот факт, что ЕС стал значительным актором, тесно связан с его расширением на восток: ЕС не только организует основную экономическую поддержку странам ЦВЕ и бывшего Советского Союза, но также реализует в этих странах комплекс соглашений политического, социального и экономического характера⁴⁰. Эти отношения, экспортирующие основные европейские нормы и институты, отличают ЕС от других акторов, акцентирующих внимание, в основном, на торговых отношениях (в частности, США).

Гражданская война в бывшей Югославии стала проверкой для ОВПБ ЕС. Война стала катализатором для развития Европейской политики безопасности и обороны: канцлер ФРГ Гельмут Коль охарактеризовал ее как «Позор Европы». ЕС не имело ни политических, ни военных возможностей отреагировать на проблему такого масштаба. Из-за культурных и исторических различий страны — члены ЕС разделились на различные блоки по вопросу реагирования. Неспособность продемонстрировать политическую волю исходила также из того, что институциональная машина ЕС была слишком слаба, чтобы выдать согласованное решение⁴¹.

Уже в 1990-х годах региональная близость стала приоритетом. Соседние страны Восточной Европы, Средиземноморского региона, Россия и, из-за особенных отношений, бывшие колонии по Ломской Конвенции, легли в основу внешней политики. Несмотря на тот факт, что ЕС сконцентрировался на соседних странах (особенно на десяти странах-кандидатах) для стабилизации ситуации в регионе, он искал также другие сферы деятельности. В 1996 году ЕС

³³ White 2001, p. 9.

³⁴ White 2001, p. 100.

³⁵ White 2001, p. 156.

³⁶ Sjurgen 2001, p. 194.

³⁷ Smith, 1999, p. 288.

³⁸ Piening 1997, p. 11.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Fraser 1999, p. 83.

⁴¹ McCormick 1999, p. 208.

начал тесное взаимодействие с азиатскими странами, а также со странами Латинскоамериканского и Карибского региона.

Важно отметить, что успешная внешняя политика ЕС 1990-х годов сочетала в себе политические и экономические аспекты. 1990-й год был отмечен появлением других экономических акторов и относительным снижением традиционных, таких как США, что Мессерлин назвал «синдромом снижения гиганта»⁴². В то же время трансатлантические отношения с США характеризовались амбивалентностью сотрудничества и соперничества, что побудило президента США Клинтона утверждать, что «мы движемся от эры геополитики к эре геоэкономики»⁴³. Стратегия европейской внешней политики, направленная на постепенное становление ЕС как глобального актора, должна рассматриваться, соответственно, как ответ на региональные и глобальные изменения, а также как отражение внутреннего развития.

Заключение: экономический национализм, «хромые утки» и кризис без конца

Этот краткий анализ развития 1990-х показывает, что есть преемственность в ОВПБ, что отражает как движение вперед, так и обратное движение. Региональная близость играла и до сих пор играет важную роль. Политические инструменты варьируются от политического диалога и сотрудничества до торговли, экономического сотрудничества и социокультурных отношений. ЕС также продвинулся в развитии механизмов гражданского и военного управления кризисами.

В настоящее время развитие ЕС и, следовательно, ОВПБ может быть объяснено, скорее, с позиции неореализма, с его акцентом на национальных интересах и их сходстве между государствами — участниками ЕС, а не с позиции неофункционализма с его предположением об автоматическом перетекании функций в другие политические сферы.

Стратегия безопасности Соланы затрагивает Европейскую энергетическую политику, которая является хорошим примером того, что отсутствие стратегии ОВПБ влияет также на другие политические сферы, такие как регулирование европейского энергетического импорта. Более того, это воздействует на торговлю, как инструмент внешней политики. В последние недели ЕС стал свидетелем «восстановления экономического национализма»⁴⁴. Это не только тормозит развитие общей внешней энергетической политики⁴⁵, но также ослабляет экономические механизмы внешнего управления ЕС. Доступ к рынку ЕС также очень болезненный вопрос.

Более того, последние месяцы характеризуются «кряканьем хромых уток» Жаком Шираком и Тони Блэром (до октября 2005 года также и Герхардом Шредером). Конечно, это отразилось на ОВПБ ЕС, как и на всем интеграционном процессе. Одновременно с этим Польша, крупное восточное государство — участник ЕС, заняла очень специфическую позицию в ЕС с момента прихода к власти президента Качиньски. Исходя из этого, можно сделать вывод, о том, что сильная «наднациональная» внешняя политика все еще всего лишь видимость. Согласованные действия стран — участниц ЕС могут быть рассмотрены как возможность не только проведения эффективной внешней политики, но также и для поддержания внутренней стабильности.

Вопреки некоторому обратному процессу, продвижение вперед тоже значительно. Несмотря на разногласия между новыми и старыми государствами — участниками ЕС, сотрудничество по вопросам ОВПБ периодически было очень согласованным между крупными странами (в частности, в отношении Косово и Ирана). Не вызывает сомнения острый раскол между США и странами старой Европы по вопросу войны в Ираке, последствия которого видны до сих пор. НАТО, соответственно, получило опыт снижения собственной значимости в последние годы, напоминая в очередной раз европейцам, что они должны ориентироваться на самих себя, неважно с Конституцией или без нее, так как процесс развития сотрудничества (по крайней мере, среди некоторых государств — участников ЕС) работает эффективно.

⁴² Messerlin, 2001.

⁴³ Quoted in Walker 2001, p. 69.

⁴⁴ Katinka Barysch cited in International Herald Tribune, 17 February 2006, p.17.

⁴⁵ Westphal, Germany and the EU-Russia Energy Dialogue 2007.

1. *Giovanna Bono*. «European Security and Defense Policy: theoretical approaches, the Nice Summit and hot issues». Research and Training Network: Building the Accountability Gap in European Security and Defense Policy (ESDP) and Democracy. (February 2002. Webversion. See webpage address above.)
2. *Giovanna Bono*. «The European Convention and Common Foreign and Security Policy: more defence, less scrutiny?», Peace Studies Papers, Working Paper 7 (University of Bradford, Department of Peace Studies, March 2004).
3. *Fraser Cameron*. The Foreign and Security Policy of the European Union, Past, Present and Future (Sheffield: Academic Press, 1999),
4. *Fraser Cameron*. «Europe in the World», European Policy Center (Brussels, January 30, 2004, webversion).
5. Commission of the European Commission, Communication of the European Commission, Wider Europe — Neighbourhood, A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours, COM(2003) 104final, Brussels 11/03/2003.
6. *Udo Diedrichs*. «The Development of the European Security and Defence Policy and Its Implications for NATO: Cooperation and Competition», Journal of Transatlantic Studies, (Vol.3, No.1, 2005), pp.55-70.
7. *Michael Emerson/ Michael/ Gergana Noutcheva*, (2004), Europeanisation as a Gravity Model of Democratisation, CEPS Working Document No. 214 / November 2004.
8. *Michael Emerson/ Senem Aydin/ Gergana Noutcheva/ Nathalie Tocci/ Marius Vahl & Richard Youngs*, The reluctant debate, The European Union as a promoter of democracy in its neighbourhood, (CEPS Working Document №223, July 2005).
9. *Christopher Hill*. «The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe's International Role», Journal of Common Market Studies, (Vol.31. №3. 1993), pp. 305–328.
10. *Rory Keane*. «European Security and Defence Policy: From Cologne to Sarajevo», Global Society, (Vol. 19, №1, January 2005), pp. 89–103.
11. *J. McCormick*. «The EU and the World» in J. McCormick, Understanding the European Union. (Basingstoke: Macmillan, 1999), pp. 202–29 in Faculty of Arts. School of Australian and International Studies, AIP776, Off Campus Unit Guide, 2003.
12. *Antonio Marquina and Xira Ruiz*. «A European Competitive Advantage ? Civilian Instruments for Conflict Prevention and Crisis Management», Journal of Transatlantic Studies (Vol.3, No.1, 2005), pp. 71–87.
13. *Patrick A. Messerlin* (2001), Measuring the Costs of Protection in Europe, European Commercial Policy in the 2000s, Institute for International Economics, (Washington D.C., 2001).
14. *Christopher Patten*. The European Union and the World, in Robert J. Guttman (ed.), Europe in the New Century, Visions of an Emerging Superpower, (Boulder London: Lynne Rienner Publishers, 2001), pp. 79–88.
15. *Christopher Piening*. Global Europe, The European Union in World Affairs, (Boulder, London: Lynne Rienner Publishers, 1997)
16. *Elfriede Regelsberger*. Gemeinsame Außen- und Sicherheitspolitik, in Weidenfeld, Werner/ Wessels, Wolfgang, Jahrbuch der Europäischen Integration 2005, Bonn, pp. 257–260.
17. *Trevor Salmon*. «The European Security and Defense Policy», European Foreign Affairs Review», (Vol. 10, 2005), pp. 359–379.
18. *Helene Sjursen*. «The Common Foreign and Security Policy: Limits of intergovernmentalism and the search for a global role», in Svein S. Andersen and Kjell A. Eliassen (ed.), Making Policy in Europe, 2nd Edition, (London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2001), pp. 167–186.
19. *Michael E. Smith* (1999), «The European Union», in Hocking, Brian/ McGuire, Steven Trade Politics, International, Domestic, and Regional Perspectives, (London and New York: Routledge, 1999).
20. *Michael E. Smith* (2006), Governing Wider Europe: Eastern Europe and the EU's New Neighborhood Policy, Paper prepared for the International Relations in Eastern Europe Conference, Humboldt University, Berlin 16–18 March 2006
21. *Javier Solana*. «A Secure Europe in a better World', European Security Strategy, Brussels, 12/12/2003.
22. Alec Stone Sweet, and Wayne Sandholtz, eds. Supranational Governance: The Institutionalization of the European Union. (Oxford: Oxford University Press, 1998).
23. *David Walker*. «The Future of Europe's Foreign Policy», in Robert J. Guttman (ed.), Europe in the New Century, Visions of an Emerging Superpower, (Boulder London: Lynne Rienner Publishers, 2001), pp. 69–78.
24. *Kirsten Westphal* (2005a), «Biregionalism: Projecting a new pattern of governance? European Union's relations with Latin America»; in Seidelmann, Reimund/ Grabendorff, Wolf (eds.), The Relations between the European Union and Latin America: Biregionalism in a Changing Global System, (Nomos: Baden-Baden), 2005, pp. 141–206.
25. *Kirsten Westphal* (2005b), «European decision-making towards Latin America: A policy approach of a visionary partnership or of anachronistic North–South relations?», in Wolf Grabendorff and Reimund

- Seidelmann (ed.), *Relations between the European Union and Latin America: Biregionalism in a Changing Global System*, (Nomos: Baden-Baden, 2005), pp. 353–413.
26. *Kirsten Westphal* (2005c), «The EU-Russian Relationship and the Energy Factor: A European View», in Westphal, Kirsten (ed.), *A Focus at EU-Russian Relations*, Peter Lang GmbH: Frankfurt, in the series of *CIDER*, (Vol.15, 2005), pp. 1–36.
27. *Kirsten Westphal*. «European Energy Security: Toward a New Generation of Global Governance?», in Pierre Vercauteren/ Dries Lesage/ Yves Palau, *New forms of governance* (forthcoming).
28. *Kirsten Westphal*. «Germany and the EU-Russia Energy Dialogue», to appear in P. Aalto (ed.), *The EU-Russian Energy Dialogue: Securing Europe's Future Energy Supply?* (Aldershot: Ashgate, 2007).
29. *Brian White*. *Understanding European Foreign Policy*, (Hampshire, New York: Palgrave, 2001).

Пер. с англ. А.А. Лысовой

Summary

The article gives an overview of the EU's Common Foreign and Security Policy as it has developed since the approval of Solana's Security Strategy. It will be argued that although the constitutional crisis of June 2005 was expected to cause an internal paralysis in the European Union, the CFSP has not experienced a real backlash. By looking into the developments of the 1990s it will be shown that the evolution of the CFSP has always been characterized by up and down movements and has been following an unwavering path — and that in particular over the last two years the EU has achieved some tangible positive results in its external relations. It will be shown that the Solana Strategy of June 2003 — which has been launched as an answer to the EU's lack of cohesiveness during the Iraq war — gave some momentum for its engagement in an active crisis management. The enlargement fatigue however has had down-slowng effects on the policies towards the neighborhood and the development of EU's foreign policy in concentric circles that has always build upon conditionality and socialization. The enlargement fatigue and the backlashes in the wider European neighborhood and the Former Soviet Union illustrate the problems of the EU to come down to common foreign policy decisions — a fact that makes it very likely that group initiatives of some member states to work jointly on certain issues and problems will prevail in the near future.